

ОТ АВТОРА

Эта книга представляет собой «сочинение» по мотивам конференции, проводившейся в Гренобле 13 октября 1984 года для психологов, врачей и социальных работников¹.

Мне хотелось, чтобы те, кто занимается таким важным делом, как воспитание, обучение и уход за детьми и подростками, сталкивающимися с физическими, психологическими, эмоциональными, семейными или социальными трудностями, поняли важность слов, сказанных или не сказанных о событиях, которые в настоящее время влияют или повлияли на жизнь ребенка, часто без его ведома, а иногда и без ведома окружающих.

Психоаналитическую подготовку прошли лишь немногие из слушателей, включая саму мадам Комба, которая организовала эту встречу. Но все они хотели понять, каким образом психо-

¹ Полное название мероприятия, организованного Центром творчества, исследований и культуры в Гренобле, было: «Говорение и делание. Всё это язык. Важность слов, сказанных детям и в их присутствии». Конспект одного из дней этого мероприятия был позже опубликован. Именно этот текст стал основой для книги «Всё есть язык». Она была подготовлена к публикации в 1987 году с некоторыми изменениями и дополнениями к оригинальной версии. Мы предположили, что эти изменения могли быть внесены самой Франсуазой Дольго, и решили оставить их как есть, в том числе там, где первоначальный текст мог показаться более гладким. (Здесь и далее — примечание составителей книги, если не указано иное.)

анализ может пролить свет на их ежедневные вопросы в ходе работы с детьми, за которых они в той или иной мере несли ответственность.

Моей целью было пробудить в аудитории, состоявшей из взрослых, живущих в контакте с детьми, осознание того, что человек — это прежде всего существо языка. Этот язык выражает его неистребимое желание встретить другого, похожего или отличного от него, и наладить общение с ним.

Особо отмечу, что желание это скорее бессознательное, нежели сознательное. Разговорный язык — одно из проявлений этого желания, и он довольно часто (намеренно или нет) искажает истинный смысл сообщения. Эффекты этой игры в прятки всегда динамичны: для человека, находящегося в процессе развития, — для ребенка — они могут стать как живительными, так и пагубными.

Именно это мне хотелось прояснить, опираясь на опыт многолетней психоаналитической практики с детьми, подростками, родителями, опекунами, прошедшими болезненные испытания взаимным непониманием, порой преждевременным и потому более травматичным для будущего.

Ниже я привожу переработанную расшифровку трех- или четырехчасового обсуждения. Слушатели задавали много вопросов, касающихся их повседневной образовательной или социальной практики. Я попыталась пролить свет на обозначенные проблемы с точки зрения динамики самого субъекта, ребенка, через экзистенциальную проблему объекта, которая, по-видимому, всегда занимает ведущее место среди забот педагогов и родителей.

Мне кажется, что такой подход в большей степени, чем теоретические труды, поможет просветить тех, кто занимается социальной работой с детьми и подростками, оказавшимися в трудной жизненной ситуации.

Я надеюсь таким образом помочь людям понять роль «говoreния правды» — той правды, которую эти взрослые передают в общении детям, не только бессознательно желающим ее, но и нуждающимся в ней и имеющим на нее право. Даже если они, выражая по просьбе взрослых свои мысли словами, сознательно предпочитают обманчивое молчание, порождающее тревогу, правде, нередко способной причинить боль, — эта правда, если она произнесена вслух и высказана обеими сторонами, позволяет субъекту выстраивать и гуманизировать себя.

Ф. Дольто, декабрь 1986 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Ф. ДОЛЬТО

Г-жа КОМБА: Госпожа Дольто, я рада приветствовать вас и очень благодарна вам за то, что сегодня вы вместе с нами. Я счастлива видеть, сколь многим людям интересна тема, которую мы обсуждаем сегодня в Центре творчества, исследований и культуры. Эта встреча символизирует важный этап в работе, которую мы ведем с 1972 года в рамках программы «Исследования и детство».

Я передаю слово Франсуазе Дольто. Она будет выступать в течение часа, а затем, после перерыва, мы предложим высказаться присутствующим в свободном формате.

Франсуаза Дольто: Замечательно, что вас собралось так много и что среди вас немало молодых людей. Мне всегда приятно видеть, как молодые люди проявляют интерес к исследованиям, к подрастающему поколению, к детям. И поскольку это имеет прямое отношение к теме нашего разговора, я очень рада видеть людей, которые сами еще не стали родителями. Я уверена, что, прежде чем подойти к этому ответственному шагу — стать родителями, нужно сначала задуматься о проблемах собственного ушедшего детства; быть готовыми принять других не как свои копии, но как возрождение в другом мире для совершенно другой жизни — жизни наших детей.

Дети, рожденные сегодня, должны будут взять на себя... мы даже не знаем, что именно! Образованию в наше время приходится

решать одну из важнейших задач — готовить детей к жизни, о которой мы ничего не знаем, которая постоянно меняется. Так происходит с начала века (говорю это вам как очень старый человек с большим жизненным опытом).

Мне пришлось столкнуться с войной в 1914 году, еще ребенком, пришлось наблюдать, как тотально изменилась жизнь семей во всех социальных слоях. Военные и первые послевоенные годы были поистине революционными, для многих семей этот опыт был очень травматичным. На меня это произвело большое впечатление, это был важный урок. В общественной жизни и в языке в этот период произошли изменения, которые заставляли меня задуматься о многом: я была свидетелем различных событий и задавала себе вопросы.

Затем была Вторая мировая война. Многие из вас не знают, что во Франции (я говорю только о Франции, поскольку не знаю, было ли такое в других странах) тогда развалилось множество семей. На государственном уровне существовали двойные стандарты. Семьи оказались разделены, признавали они это или нет, и люди с подозрением относились друг к другу. Было много страданий, многих мужчин и женщин разлучили война, тюрьмы, лагеря смерти.

Во Франции мы не так сильно рисковали собственной жизнью, сколько смертью отношений, тем более что передавать весточки из одного конца Франции в другой можно было только с помощью лаконичных открыток, на которых умещалось примерно тридцать слов.

Разрыв семейных, супружеских, детско-родительских связей из-за разлуки — это было невиданно. Чтобы пояснить вам, в чем это выражалось, я приведу в качестве примера детей, матери которых

узнали, что отец находится в плену. Какое-то время о нем не было никаких известий, знали только, что папа на войне, и вдруг оказалось, что его взяли в плен. Так вот, после этих новостей о пленных в детские психоневрологические консультации в Париже стали в большом количестве поступать мальчики в возрасте от пяти до одиннадцати лет, которые снова начали мочиться в постель. Это был психосоматический эффект стыда за папу. Дети видели, что мама счастлива от того, что он не убит, а взят в плен. Но для самих детей это было позором. Заключенный¹ — это же плохо, это значит, что он совершил какую-то подлость. Ребенок не мог понять, чем военнопленный отличается от преступника.

На этом нужно было строить психотерапевтическую работу. Детям нужно было дать понять, что их герой, их папа — на войне. Фотографии папы в форме должны были заменить в их сознании того, кто покинул дом. Мама же казалась довольной, что его здесь нет. Конечно, на самом деле это была неправда: женщины просто радовались, что муж жив, хотя и находится в плену. Мать казалась ребенку сумасшедшей: ей нравилось, что отца посадили, она с радостью говорила: «О, вы знаете, он в плену!» Быть заключенным стало соблазнительным.

Результатом стали мелкие преступления детей — преступления по отношению к себе, а именно невладение собой, снижение уровня владения телом, приводящее к такому уровню аффективности, когда теряется контроль над сфинктером. Такая потеря контроля — это язык для выражения невладения собой у детей.

Все млекопитающие контролируют мочеиспускание и дефекацию. Такого явления, как недержание мочи и кала, у них не существу-

¹ Во французском языке слово *prisonnier* означает и «заключенный», и «пленный». — *Примеч. пер.*

ет, за исключением неврологических нарушений. Но «писать в постель» и «какать в штанишки» могут только люди, которых подпитывают язык и священное чувство связи с родителями. Ребенок мог бы уподобиться прочим млекопитающим, быть столь же чисто плотным и контролировать себя, если бы мать не заботилась о нем, одновременно придавая его жизни ритм, угодный ей, то есть побуждая его писать и какать, когда она попросит его об этом. Коровы и быки не требуют от своих телят писать и какать по запросу. Чтобы доставить удовольствие своим матерям, дети, увы, учатся контролировать мочеиспускание и дефекацию раньше времени, то есть до наступления полной зрелости своей нервной системы.

Я могу сказать вам, что такой ребенок может стать шизофреником. Я знала одного ребенка, который никогда после рождения не пачкал подгузники. Никогда. Он был рожден, чтобы стать особенным, замечательным, — а стал шизофреником. Наши МПИ¹ заполнены так называемыми отсталыми, или психотическими, детьми, которые на самом деле являются самыми чуткими, самыми очеловеченными существами. Это не по годам развитые дети по сравнению с другими — в плане аффективности и чувствительности к отношениям. Однако по причине или декодирования языка между ними и родителями (которые могут не понимать, что их ребенок уже достаточно умен), или из-за слов, которые они услышали слишком рано и которые обесценивают их сыновние отношения или их пол (например, вызывают отчаяние, оттого что они принадлежат к тому полу, какой стал очевиден при рождении), — они расстраиваются, поскольку не могут принести удовлетворение богу и богине их внутриутробной жизни: родителям, говорящим снаружи, чьи голоса они слышат начиная с четырехмесячного возраста

¹ Медико-психологический институт.

in utero, — и это действительно то, что соблазняет их родиться в надежде вступить с ними в отношения.

Многие люди обнаружили это для себя лишь недавно. Что касается меня, я сделала это открытие очень давно. Можно сказать, что я была первопроходцем в данной области. Я рада видеть, что сейчас этот подход становится все более распространенным, а ведь когда-то в больницах обо мне говорили: «Она немного того!»¹

¹ Франсуаза Дольто, несомненно, имеет все основания утверждать, что она была первопроходцем в изучении внутриутробной жизни. Действительно, именно в этом направлении она работала, чтобы расширить область исследований психоанализа, сосредоточившись на аспектах, связанных с внутриутробной архаичностью (см. в качестве примера «L'Image inconsciente du corps» (Le Seuil, 1984, p. 209–210)).

В то время, как говорит сама Франсуаза Дольто, она вступала на этот путь, рискуя вызвать ироническую улыбку у тех, кто находил его причудливым и эксцентричным, в том числе, возможно, и в аналитической среде. Но это не помешало ей тщательно собрать данные, которые могли подтвердить ее гипотезу о субъективной важности вынашивания ребенка, включая восприятие плода, важность модуляции слышимых голосов (матери, отца) и т. д. (См., например, главу «Naissance» в «Difficulte de vivre» (Gallimard, 1995, p. 16–76), и «La Cause des enfants» (Laffont, 1985, Ire partie, ch. 5, et IIe partie, ch. 5); русское издание: «На стороне ребенка» (СПб.: Петербург — XXI век, 1997.))

Кроме того, очевидно, что отношения между матерью и ребенком, которого она вынашивает, приобретают у Франсуазы Дольто особую символическую ценность не столько в том смысле, что в них разыгрывается идиллия слияния, но поскольку это уже начало того, что лежит в основе всякого межчеловеческого общения, в том числе и в его бессознательных воздействиях. В этом смысле, как ни парадоксально, отношения с плодом подобны модели любых под-

Тем не менее они признали, что пострадавшие дети, замкнувшиеся в себе, возвращаются к жизни и общению после того, как слышат, что их признают умными, — несмотря на то что они все еще не могут говорить, было известно, что они могут слушать. Поэтому мы должны говорить с ними о том, от чего именно они страдают, и тогда эти отношения субъекта к субъекту могут быть восстановлены.

Тот язык, на котором ребенок отказывается следовать ритму, задаваемому родителями или только матерью, может оказаться спасительным для субъекта, но лишит его опыта, необходимого для построения его будущего эго, звучащего в субъекте.

Итак, в консультационные центры вдруг хлынул поток таких детей. Того, что с ними происходило, совершенно не понимали ни их матери, ни врачи общей практики, которые только и могли дать им направление на психоневрологическую консультацию, хотя их работа заключалась в том, чтобы поговорить с ребенком. Однако в то время врачи общей практики и педиатры не знали о влиянии психологии, об этической структуре, на которую опирался ребенок, о разрывах, травмах, означавших, что для того, чтобы выжить, он должен был вернуться в тот период своего прошлого,

линных межчеловеческих отношений, любой интерсубъективности, в том числе и там, где она может быть говорящей (см. *Difficulté de vivre*, p. 50).

Поэтому особенно интересно видеть, что важность такого рассмотрения пренатального опыта сейчас признается даже в той области медицины, в которой раньше к этому относились с насмешкой. Дошло до того, что была разработана специальная перинатальная медицина. Что касается интуиций Франсуазы Дольто, исходящих из психоанализа, то с тех пор они нашли еще одно подтверждение и еще одно продолжение — во внедрении гаптономии (пре- и перинатальной).

когда его отец еще не имел авторитета. Для того чтобы оставаться нормальным, он должен был быть мальчиком, не участвующим в генитальной жизни. Поэтому лечение касалось в основном нарушений функционирования органов малого таза. Действительно, симптомы мальчиков рисовали именно такую картину.

Следует также добавить, что спустя какое-то время мать переставала волноваться по поводу того, жив ли ее муж, особенно если получала письмо, где говорилось, что живется ему не так уж и плохо; я говорю прежде всего о шталагах, где люди проводили меньше времени, чем в офлагах, и где мужчин сразу нанимали для работы на фермах¹. Она видела, что ее муж здоров физически и морально, и понимала, что у него могут возникнуть отношения с женщинами (нередко это было правдой); она начинала нервничать и ревновать к немкам.

Дети слышали, как мать разговаривает с соседкой о том, чем же таким в Германии занимается отец, что он кажется довольным жизнью. Многие семьи получали письма от молодых пленных, в которых говорилось: «Здесь меня учат, как выращивать то, как выращивать сё...»

Это правда, что в сельской местности мужчины были открыты нацистской политике, особенно вначале все эти хорошо организованные люди — это бросалось в глаза. Я говорю о том, как было вначале; после, когда все пришло в упадок, стало совсем по-другому.

Чтобы понять, как эта противоречивая информация влияла на соматику детей, нужно учесть следующее: любое действие или

¹ Шталаг — название немецких лагерей для рядовых военнопленных во время Второй мировой войны. Офлаг (от *Offizierlager*) — лагерь для офицеров.

высказывание, касающееся людей, оказывающих воздействие на структуру личности ребенка, то есть его отца и мать, — вначале они представляются ему человеком о двух головах и лишь затем разделяются на мужчину и женщину, первые два образа в его жизни, — всё, что влияет на действия, высказывания, поведение этих людей, — структурирует личность ребенка. Это воздействие само по себе не хорошо и не плохо, оно реально, динамично и может быть или живительным, или пагубным для ребенка.

Расценивать результат такого воздействия как положительный или отрицательный можно в зависимости от того, как мы относимся к реакции ребенка. Если бы вместо того, чтобы ругать его за то, что он снова намочил постель, мы его похвалили, его недомогание прошло бы за 3–4 дня. Нужно было бы похвалить его за то, что он отреагировал на шокирующую новость, и вместе с тем дать ему понять, что быть военнопленным — это не унижительно и даже храбро; и что его отец не был каким-то негодяем, осужденным законом за совершенное преступление. Это было нелегко, особенно если вы и сами не очень-то верили в подобное «прославление» военнопленных.

Знаете, даже если, будучи психоаналитиками, мы не верим в то, что это храбро — пойти и убить соседа за то, что он одет в другую форму, — мы должны сказать ребенку: «Твой папа служил своей родине, а потом его схватили, потому что немцы были сильнее. Это не его вина, он очень храбрый!» — в общем, все, что можно сказать в оправдание того, что его отец не погиб в бою. Он с гордостью получил бы за отца медаль, если бы тот пал смертью храбрых. Случалось, что у некоторых сверстников таких ребят отцы погибали на фронте. Так они этим хвастались! «Твоего отца взяли в плен, а моего-то — убили, слышь!» Тот, чей отец погиб, был выдающимся человеком, а тот, чьего отца взяли в плен, — неудачником.

Неудачник и ведет себя так, как полагается неудачнику: он раскидает, запускает себя, «какает в штаны». Феномен панк-движения¹, например, имеет те же корни: мы стремимся, чтобы нас заметили, потому что быть замеченным — это святое, а вот если оставаться просто сыном или дочерью своих родителей, то нам будет стыдно за себя — и мы надеваем личину чудика. Окружающие смотрят на юношеский протест и говорят: «Бедные дети!» А дети отстаивают то, что для них наиболее важно, будто говоря: «Посмотрите на меня! Пусть я сам лишь отдаленно смахиваю на человека, но вот пошлю я вас подальше — и сразу стану великим». Они не могут жить без надежды на это. Ну а панк в четырехлетнем возрасте выражает себя через пи-пи и ка-ка.

Я говорю об этом для того, чтобы вам было понятно, что эти события пережили все. До сих пор мы говорили о детях, но то же самое происходило и с матерями. Одновременно с ростом обращений к врачам-педиатрам приемные гинекологов стали заполняться женщинами, у которых больше не было месячных. Поскольку сексуальные контакты у них отсутствовали, они точно знали, что не беременны. Что же случилось? Менструации прекращались с того момента, как становилось известно, что их мужья находятся в плену, таким образом их гениталии подвергались наказанию. Женщина претерпевала регресс, возвращаясь в препубертатный возраст, когда у нее еще не было месячных и когда ей не угрожала опасность изменить мужу.

Бессознательное послание самой себе было таким: «Если у меня нет мужа, у меня нет права на менструацию», потому что, когда

¹ Данное направление поп-музыки зародилось в семидесятые годы. Франсуаза Дольто, очевидно, упоминает его в связи с провокационной модой (крашенные волосы, рваная одежда и т. д.), сопровождавшей это движение.

у меня менструация, меня можно «обеременить». И укоренившийся в теле многих женщин страх перед собственным желанием, способным ввести в искушение, вызывал это торможение генитальной жизни. Затем, как это часто бывает в случае регрессии из-за отрицания эмоциональных страданий, начинались изменения в настроении, и эти женщины, которые до этих пор имели регулярный цикл и были в хорошем настроении, начали срывать на соседях, на детях. Говорили, что это происходило из-за отсутствия месячных. Нет, их отсутствие было лишь одной из причин. Помимо этого, играли свою роль и фрустрация из-за отсутствия мужчины, и вместе с тем соблазн завязать отношения — ведь молодых немцев во французских городах было полно. Они ходили по улицам, рынкам, магазинам с полными карманами денег — а у многих женщин были финансовые затруднения. О француженках, которые в то время сотрудничали с немцами, очень хорошо рассказала Маргерит Дюра в передаче Бернара Пиво¹.

Мы, детские врачи, наблюдали тогда нарушения эмоционального развития у детей, оказавшихся втянутыми в эти конфликты, о которых, по их мнению, они должны были молчать.

Велика ли доблесть оставаться верной женой, когда муж в плену? Не лучше ли, чтобы с мамой все было в порядке, чтобы дома был мужчина, строгий, как отец, который позволит детям стать добропорядочными французскими гражданами? Пусть даже это будет немец, который приходит домой только обедать или ужинать. Он мог даже испытывать уважение к далекому военнопленному, чье место временно занимал в постели, вероятно зная, что в это

¹ Маргерит Дюра — французская писательница, режиссер и актриса. Бернар Пиво — французский журналист, ведущий телевизионных программ о культуре. — *Примеч. ред.*

время там, в Германии, француз проделывает то же самое с его женщиной! Дети семи, десяти или одиннадцати лет слышали все это и благодаря временному жильцу могли пользоваться материальными благами (еда и различные товары), но эта ситуация вносила большую путаницу в их представления и этические установки. Никто не сказал им, что все это проблемы взрослых мужчин и женщин, живущих половой жизнью и эмоционально активных. Эти дети неминуемо стали бы правонарушителями, поэтому их привозили к нам.

Начиналось все с мокрых простыней, а затем следовали хулиганство и отставание в школе. Фактически школьная неуспеваемость — это запрет на использование сублимированных оральных и анальных влечений, как мы говорим на нашем жаргоне, то есть права брать и отдавать. Это пищеварение, это сублимация пищеварительного метаболизма, которая происходит в сознании в символической форме и выражается у ребенка как «успехи в школе».

Обучение в начальной школе — пищеварительное, к сожалению, поскольку начиная уже с семи-восьми лет оно могло бы стать генитальным — так сказать, встречей двух умов, приносящей плоды. Это не то же самое, что проглотить задание и выдать его обратно в виде рвоты или испражнений, хорошенько выделенное красным, зеленым и всем прочим, что нужно для того, чтобы осчастливить учителя. Это похоже на то, как малыш делает красивую какашку для мамы.

Однако от него не осталось ничего — ни знаний, ни умений. Знание — генитального порядка, умения — орального или анального¹.

¹ То, что Франсуаза Дольто имеет в виду под термином «пищеварительная школа», представляет собой метод обучения, который в рамках бинарной логики (правда/неправда) апеллирует только